

ЭМИРОВ Рашид Маратович – кандидат политических наук (donna@front.ru)

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ НА СЛУЖБЕ ИДЕОЛОГИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявить причины появления, предназначения и содержания разного рода идей, зачастую напоминающих исторические мифы, об автохтонности или неавтохтонности тех или народов в постсоветских государствах Южного Кавказа – Азербайджане, Армении и Грузии. Автор показывает, что они имеют мало общего с реальной историей соответствующих народов и используются в конкретных политических целях для обоснования территориальных претензий друг к другу, а также верховенства так называемых титульных народов в праве на власть и влияние в регионе и каждом из отдельно взятых государств. Очевидно, что подобные заигрывания с историей, социокультурные и исторические мифы способствуют формированию устойчивых образов врагов, что, в свою очередь, служит негативным фактором, мешающим решению противоречий и конфликтов между народами. **Ключевые слова:** Кавказ, Южный Кавказ, регион, Азербайджан, Армения, Грузия, автохтонный народ, конфликты, история, мифы, государство, власть

Некоторые исследователи склонны полагать, что одним из ключевых факторов, лежащих в основе множества межэтнических конфликтов и войн, имевших место на Кавказе в целом и Южном Кавказе частности в течение нескольких столетий, служило стремление соответствующих народов доказать и легитимировать свои исторические права на территории, на которых они жили в течение более или менее длительного времени. Следуя этой логике, современные этнополитические конфликты могут быть восприняты во многом как борьба национальных меньшинств каждого отдельно взятого государств региона за право считаться автохтонным народом на их исторических территориях. Разумеется, при этом речь не идет о переносе на задний план борьбы за самоопределение, защиты собственных прав и выражения несогласия с проводимой властями соответствующего государства дискриминационной социально-экономической политики.

Многочисленные этнополитические противоречия и конфликты, начавшиеся в период распада СССР и сохранившиеся нерешенными к настоящему времени, обуславливают повышенный спрос на идеологическое обоснование претензий того или иного народа на восстановление «исторических прав» на оспариваемые территории. Зачастую связанные с этим спросом ревизия, новое прочтение истории в пользу одного «своего» народа строятся на негативной трактовке, доходящей порой до разного рода фобий по отношению к другим народам, считающимся врагами.

Разумеется, автор не ставит своей целью показать обоснованность или необоснованность тех или иных идей и положений об автохтонности или неавтохтонности соответствующих народов, проживающих на территориях республик региона. Это, во-первых, не представляется возможным решить в небольшой по объему статье, и, во-вторых, это задача, выполнение которой под силу историкам, профессионально занимающимся данной проблемой. Главное внимание в статье концентрируется на попытках определенных сил в постсоветских государствах Южного Кавказа использовать эти идеи для политизации и идеологизации национализма или этнизма в сугубо политических целях.

Составной частью политизированного этнонационализма на исходе перестройки и в условиях развертывания процессов распада СССР и образования

новых независимых государств стали рассуждения о необходимости восстановления некоей «исторической справедливости», будто бы нарушенной в советский период, «очищения нации», «возвращения к почве», защиты национальной культуры от чужеродного «загрязняющего» влияния и т.д. При этом многие участники споров и дискуссий по данному вопросу для обоснования реальных или выдуманных исторических прав на те или иные территории зачастую склонны использовать неприемлемые с научной точки зрения приемы и аргументы, которые порой не могут быть подкреплены достоверными сведениями и документами.

Среди определенной части представителей интеллигенции тех или иных кавказских народов начались ожесточенные споры и дискуссии по вопросу о том, какой из них древнее и лучше остальных, кому принадлежит первенство в занятии той или иной территории и, соответственно, кто имеет исторические права на нее и т.д. Появилось довольно много околонучных и весьма далеких от науки работ, в которых тенденциозно освещаются вопросы древней и средневековой истории автохтонных, или коренных народов региона, особенно проблемы их раннего этногенеза. Превратно толкуя исторические факты, а то и просто выдумывая их, авторы таких работ пытаются обосновать разного рода псевдоисторические версии и мифы, нередко не имеющие никакого отношения к реальной истории соответствующих народов.

В этом контексте интерес представляет тот факт, что возрождение этнонационального самосознания сопровождалось усиленным мифотворчеством, с помощью которого население мобилизовалось на поддержку националистических проектов пересмотра государственных границ, обоснование «исторических» прав того или иного этноса на спорные территории либо дискредитацию оппонентов. На более глубоком эмоциональном уровне эта проблема усугубляется распространением налагающихся друг на друга, зачастую исключаящих друг друга мифов историко-территориального характера. Отдельные представители каждого из трех крупных так называемых титульных народов Южного Кавказа определяют свою историческую судьбу в территориальных, этнонациональных и социокультурных терминах. Причем, как отмечает К.С. Гаджиев, «сами понятия “Армения”, “Грузия”, “Азербайджан”, зачастую наполняемые мифологическим содержанием, трактуются значительно шире и крупнее, чем реальные территориальные масштабы соответствующих государств» [Гаджиев 2003: 68].

Естественно, в любом научном исследовании работы, в которых предпринимаются подобного рода попытки, должны быть выведены за скобки. Но проблема состоит в том, что такие фантазии и мифы нередко используются для обоснования тех или иных конкретных политических целей. К примеру, будучи президентом Республики Азербайджан, Г. Алиев заявлял: «И в дальнейшем надо создавать такие произведения, чтобы они постоянно, в последовательной форме доказывали принадлежность Азербайджану земель, где ныне расположена Армения. Мы должны сделать это. Мы должны открыть дорогу будущим поколениям»¹.

В руках наиболее рьяных этнопатриотов они оказываются довольно опасным инструментом реализации конкретных политических целей, для пропаганды национальной и религиозной розни. Например, некоторые представители азербайджанской интеллигенции пытаются обосновать претензии Баку на российский Южный Дагестан, древнейший город Дербент, история которого насчитывает от 2 до 5 тыс. лет, при том что тюркские племена — предки современных азербайджанцев — появились на Южном Кавказе в XI в.

¹ *Бакинский рабочий*. 1999. 11 февр.

Ссылками на историю армяне Карабаха обосновывают свое стремление к независимости, а Азербайджан в попытках вернуть Карабах также апеллирует к истории. При помощи подобных аргументов Грузия претендует на территории Абхазии и Южной Осетии, которые, в свою очередь, обосновывая свое стремление к независимости, также апеллируют к истории. Естественно, эти споры и дискуссии — отнюдь не безобидные словесные упражнения журналистов и публицистов, поскольку при определенных обстоятельствах оказывают значительное влияние на политические позиции тех или иных слоев населения. Более того, они становятся одним из аргументов при разделении народов соответствующих республик на автохтонные и чужие, титульные и нетитульные и т.д.

Так, азербайджанский историк Ф. Алекперли считает, что в Азербайджане все народы, такие как талыши, таты, лезгины, удины, аварцы, крызы, хиналугцы, курды и др., которые, по сути дела, ни по этногенезу, ни по социокультурной матрице, ни по национальной идентичности и менталитету, ни по историческому наследию не имеют отношения к тюркским народам, являются азербайджанцами. Утверждает, что Азербайджан — родина великих империй, что государство под названием Азербайджан возникло как независимое государство на обломках Ахеменидской империи в IV в до н.э.¹, в то время как само слово «Азербайджан» возникло только в конце XIX или начале XX в. По его мнению, тюрки Азербайджана (*Azəri türkləri*), будучи имперским народом, всегда играли решающую роль в истории не только Кавказа, но и всего Переднего и Ближнего Востока. «Эта роль, — убежден Алекперли, — отведена ему самой историей. Наши соседи это отлично видят, чувствуют и потому стараются не допустить пробуждения дремлющего великана, каким является Азербайджан... Скромной, нейтральной “божей коровки” вроде Швейцарии из нас не получится... Наши соперники видят, какой геополитической силой мы можем стать... потому, что очень легко забыли, кто мы такие и наследниками каких великих империй и цивилизаций являемся»².

Другой азербайджанский ученый, доктор филологических наук, профессор Р. Кафарли концентрирует внимание на «мифах, подтверждающих древность азербайджанского народа, доказывающих его существование в числе первых обитателей мира». В качестве примера азербайджанской мифологии Кафарли приводит главную священную книгу зороастризма древних персов «Авесту», написанную, по его словам, «на 12-ти тысячах коровьих шкур золотыми буквами на языке мадаев», т.е. мидийцев, каковых автор, вопреки данным всех сколько-нибудь серьезных исторических исследований, называет «древним тюркским этносом»³.

Однако, на полном серьезе сетует Кафарли, древние памятники, в которых якобы подтверждается факт автохтонного происхождения азербайджанцев, их врагами подвергались уничтожению или увозились в другие страны. Естественно, одним из главных из врагов названы армяне.

Важную роль в формировании азербайджанской исторической картины играет определение национального характера бывших персидских провинций (беглярбекств), а позже — тюркских ханств Восточного Закавказья, завоеванных Россией в 1803—1828 гг. (Эриванское, Нахичеванское, Гянджинское). Эти ханства, а также султанства в границах влияния Картли-Кахетии (Казах,

¹ Алекперли Ф. Азербайджанские тюрки — история и современность. Доступ: <https://nomoderor.mirtesen.ru/blog/43654250534/Azerbaydzhanskie-tyurki---istoriya-i-sovremennost> (проверено 01.03.2018).

² Алекперли Ф. 2009. Национальная идеология Азербайджана. Кто мы, от кого произошли и куда мы идем? — *Зеркало*. 8 авг.

³ Кафарли Р. Азербайджан древней Мидии. Доступ: <http://absurdopedia.wikia.com/wiki/> (проверено 01.03.2018).

Шамшадиль) определяются именно как азербайджанские государства или как части азербайджанского государства. Их включение в состав России рассматривается как раздел Азербайджана между Россией и Ираном, превративший азербайджанцев в разделенный народ. Таким образом, рождается миф, согласно которому северный Азербайджан, оказавшийся в составе России, становится объектом имперской политики вытеснения тюркского населения и потворства армянской миграционной экспансии.

Меликства, которые существовали в Карабахе, рассматриваются как некие «осколки» древней Кавказской Албании, которая, в свою очередь, считается сугубо азербайджанским государственным образованием. Утверждается, что эти меликства оказались арменизированными лишь после присоединения Азербайджана к России в XIX в. Наличие в полосе армяно-тюркского соседства памятников армянской культуры, относящихся, по крайней мере, к Средневековью, пытаются поставить под сомнение.

Подобные трактовки, по сути дела, отражают реальное соперничество за политическую власть в этнически структурированном кавказском геополитическом пространстве. Так, азербайджанские историко-идеологические построения сосредоточены вокруг карабахского конфликта и несут отпечаток старого армяно-азербайджанского соперничества за ряд других территорий Южного Кавказа (Зангезур, Нахичевань, Шарур-Даралагез, Эривань и др.). Такая ретроспекция призвана обосновать идеи автохтонности азербайджанцев на всех названных территориях и, соответственно, их право претендовать на эти территории. Естественно, армяне рассматриваются как иммигранты, занявшие их лишь в XIX в.

Армянские историко-идеологические построения концентрируются вокруг предполагаемой тюркской угрозы, связываемой с экспансией тюркоязычных племен на исторически принадлежащие армянам территории, включая Карабах. Согласно этим построениям, начиная с XI в. коренное население Кавказской Албании, которое, по мнению авторов этих построений, отнюдь не являлось азербайджанским, вытеснялось миграциями тюркоязычных племен, в результате чего к XIX в. практически исчезло с исторической арены (в качестве последних осколков населения древней Кавказской Албании к нашему времени сохранились лишь лезгиноязычные удины-христиане). Расселение с XIV в. тюркских племенных союзов кара-коюнлу и ак-коюнлу сопровождается вытеснением армян в горные районы Малого Кавказа¹. Своей кульминации тюркская экспансия достигла в 1915 г., когда была ликвидирована Анатолийская (Западная) Армения и на ее территориях были созданы тюркские государства, к которым, по мнению авторов таких построений, относится политическое новообразование Азербайджанская Демократическая Республика, сформированное в 1918 г.

Хотя включение Кавказа, в т.ч. Армении, в состав России оценивается в армянской научной и публицистической литературе в целом положительно, тем не менее установление государственно-административных границ Армении в статусе Армянской ССР (без Нагорного Карабаха, Нахичевани, Сурмалу, Карса и Ардагана) трактуется как несправедливый итог советско-турецкого раздела армянских исторических территорий. Не ушло в прошлое и армяно-грузинское соперничество вокруг исторических прав на Джавахетию и, в меньшей степени, на Ардаган и бассейн Чороха (древний Тайк/Тао).

Как отмечает В.А. Шнирельман, у армян в силу их непростого исторического

¹ Историко-территориальные идеологемы. Доступ: <http://www.iriston.com/nogbon/news.php?newsid=452> (проверено 04.03.2018).

пути и наличия крупной диаспоры как в России, так и в целом ряде других стран, например в США, Франции, Иране, Ливане и др., чувство общности связано прежде всего с этнически понимаемой нацией, в то время как у азербайджанцев — с государством. По его мнению, «для азербайджанцев важна не столько история, сколько территория обитания. Для армян отчизна тесно ассоциируется с местом, где жили предки, причем причастность к общей истории смыкается с чувством территориального единства, при этом армяне придают особое значение историческим памятникам и исторической памяти». Что касается азербайджанцев, то их представители «ориентировались на европейскую секулярную традицию и примером для подражания считали Турцию. Не удивительно, что среди них популярность получили идеи пантюркизма, которые питали один из наиболее влиятельных национальных мифов в Азербайджане» [Шнирельман 2003: 38-39].

Другой российский политолог С.В. Лезов выделяет в армянском мифе три компонента: во-первых, веру в свою цивилизаторскую функцию, основанную на владении античным наследием; во-вторых, отождествление с форпостом христианства на Востоке; в-третьих, придание себе образа жертвы, вечно страдающей во имя всего человечества «от рук восточных варваров»¹. Иными словами, по его мнению, армяне представляют себя избранным народом, который в силу тех или иных причин обречен на роль беззащитной жертвы тюркоязычных народов. Такое понимание обуславливает укоренившуюся в их сознании «анти-тюркскую идентичность».

В то же время, утверждает Лезов, азербайджанский миф делает акцент на коварство армян и доверчивость азербайджанцев. В итоге конец 1980-х — первая половина 1990-х гг. в соседних республиках характеризуются зеркальными настроениями: армяне были убеждены в наличии всемирного туранского заговора; азербайджанцы верили во всемирный армянский заговор. В обоих случаях существовало убеждение, что противная сторона претендует как на не принадлежащие ей земли, так и на их историю, исторических и культурных деятелей, важнейшие национальные символы, связанные с этими землями. Другими словами, в период карабахского конфликта обе стороны стремились мобилизовать глубокие пласты исторической памяти.

В постсоветской грузинской научной и публицистической литературе в контексте рассматриваемой темы заметное место занимают отношения с Россией как государством, «патронирующим» сепаратизм Абхазии и Южной Осетии. Присоединение Грузии к Российской империи в 1801–1829 гг. оценивается в целом негативно. Внимание концентрируется на обвинениях в том, что в составе Российской империи и СССР границы Грузии были проведены с нарушением исторического ареала расселения грузинского народа, когда за пределами Грузинской ССР остались, например, Саингило, которое было передано Азербайджану, Лоре, переданное Армении, Джикети и Двалети, которые отошли к России. Россию обвиняют также в создании на территории Грузии якобы искусственных национально-административных образований — Абхазии и Южной Осетии.

В ряде случаев предпринимаются попытки отказа абхазам в автохтонности на нынешней территории Абхазии. С одной стороны, выдвигается идея, согласно которой абхазов изображают в качестве этнической группы, сложившейся в результате иммиграции адыго-черкесских племен, смешавшихся здесь с местными автохтонными картвельскими этносами абасгов, апсиллов саниггов. Причем, по мнению авторов данной идеи, этот процесс начался лишь в конце

¹ Лезов С.В. В Нагорном Карабахе и вокруг него. — *Российская газета*. 1992. 28 марта.

XVI в. Они пытаются убедить всех в том, что часть адыго-абхазских переселенцев ассимилировались с местным населением, а другие оттеснили коренное картвельское население, предки которых — колхи — в VI в. до н.э. создали грузинское государство, включавшее территорию современной Абхазии. Считается, что население Абхазии состояло из двух коренных народов, а именно предков современных абхазов — абасгов и апсиллов, создавших в I—II вв. свои княжества. Утверждается, что с IV в. территория Абхазии вошла в состав Лазского (Эгриси) грузинского царства, а с X в. превратилась в неотъемлемую часть единого грузинского государства. Естественно, в обеих версиях отрицается право Абхазии не только на независимость, но и на автономию, о чем свидетельствует ее отмена режимом З. Гамсахурдиа в самом начале 1990-х гг.

Со своей стороны, представители абхазской интеллигенции решительно отвергают обе грузинские трактовки своей истории. Они, естественно, отстаивают идею автохтонности абхазов, самостоятельной абхазской государственности, начиная с древности, на землях, занимаемых ими в настоящее время и являющихся территориями, находящимися под юрисдикцией нынешнего абхазского государственного образования. Их версии этногенеза и ранней этнической истории призваны обосновать, во-первых, идею о глубоких местных корнях абхазского народа в Абхазии, восходящих к древним народам Малой Азии. При этом авторы подобных идей склонны произвольно расширять ареал расселения абхазо-адыгских народов, включая в него территории, ныне входящие в международно признанные границы Грузии.

В оценке изменений в этническом составе населения региона на протяжении всей истории немаловажное значение придается депортации абхазов в 1866—1867 и 1877—1878 гг., в результате которой создались условия для массовой колонизации их территорий грузинскими этносами, прежде всего мегрелами и сванами, которые постепенно заняли доминирующие позиции¹. Данная тенденция еще более усилилась с включением Абхазии на правах автономной республики в состав Грузии. На этой основе, как не без оснований считают абхазские аналитики, и возник спрос на концепцию об автохтонности или титульности грузин в Абхазии [Ачугба 2010].

Хотя отдельные деятели признают длительное культурное и церковное влияние Грузии на Абхазию, некогда приведшее через династические браки к объединению Абхазии с Грузией, тем не менее они обосновывают идею об исключительно абхазской государственности в период Средневековья [Аршба]. В этом ключе, естественно, негативно оценивается включение Абхазии в состав новообразованных грузинских государств в 1918—1920 гг. и 1991 г. при распаде СССР.

Разумеется, любой автор имеет право фантазировать, в т.ч. и на почве истории древнего мира, но ущербность таких фантазий состоит в том, что их пытаются использовать для «доказательства» древности и автохтонности одних и неавтохтонности других народов, даже тех, которые обитают на соответствующих землях в течение веков, а то и тысячелетий. Возможно, все приведенные доводы и аргументы за или против автохтонности, титульности, древности того или иного народа имеют некоторое рациональное зерно. Но при определении реальных государственных границ, установившихся после распада СССР, они во многом теряют свою обоснованность, тем более, когда речь идет о перекройке этих границ. В современном мире, охваченном процессами глобализации и информационной революции, на политической карте сохранилось

¹ Атлас этнополитической истории Кавказа Артура Цуциева. Доступ: <http://ironau-ru.livejournal.com/20861.html> (проверено 01.03.2018).

мало мононациональных государств (большей частью малых), и претензии на создание моноэтнических государственных образований выглядят не совсем убедительно.

Вольно и предвзято трактуемая история того или иного народа, создаваемые на ее основе мифы, идеологические клише служат средством обоснования статусной иерархии этнических групп, характерной не только для новых независимых государств Южного Кавказа, но также для национальных республик российского Северного Кавказа. Подобные заигрывания с историей, засилье социокультурных и исторических мифов такого рода в национальном сознании и их непрерывная циркуляция неминуемо приводят к формированию устойчивых образов врагов, борьба с которыми выступает в качестве мобилизующего фактора в вопросах национальной идентичности, автохтонности и других аспектах, напрямую влияющих на самосознание народов.

Список литературы

Ачугба Т.А. 2010. *Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты*. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа. 356 с. Доступ: http://apsnyteka.org/143-achugba_etnicheskaya_istoriya_abhazov_19_20_vv_etnopoliticheskie_i_migratsionnie_aspekti.html (проверено 04.03.2018).

Аршба Д. Абхазское царство. Доступ: <http://arshba.ru/786-g-abhazskoe-carstvo-t528.html> (проверено 01.03.2018).

Гаджиев К.С. 2003. *Геополитика Кавказа*. 2-е изд., пер. и доп. М.: Международные отношения. 464 с.

Шнирельман В.А. 2003. *Войны памяти. Мифы, идентичность и политика Закавказья*. М.: Академкнига. 592 с.

EMIROV Rashid Maratovich, *Cand.Sci. (Pol.Sci.)* (donna@front.ru)

HISTORICAL MYTHOLOGY IN THE SERVICE OF IDEOLOGY OF ETHNIC CONFLICTS

Abstract. *The article attempts to identify the reasons for the appearance, purpose and content of various kinds of ideas, often reminiscent of the historical myths about autochthony or non-autochthony of those or other peoples in the new post-Soviet states of the South Caucasus, namely Azerbaijan, Armenia and Georgia. The author shows that they have little in common with the real history of the corresponding peoples and are to be used for specific political purposes to justify territorial claims to each other and the primacy of the so-called titular peoples in the power and influence in the region and in each of the states. It is evident that such flirting with history, sociocultural and historical myths contributes to the formation of sustainable images of enemies, which in turn serves as a negative factor that prevents the solution of contradictions and conflicts between peoples.*

Keywords: *Caucasus, South Caucasus, region, Azerbaijan, Armenia, Georgia, autochthonous people, conflicts, history, myths, state, power*
